

Александр Мардань

Анатомия сознания

Любовь

До и После. До и после этот человек интересовал тебя, как большинство других, которым ты не желаешь зла, но не собираешься ради них чем-то жертвовать.

До и после мнение этого человека обо всем, включая тебя, интересовало в пределах математической погрешности, которой можно пренебречь.

До и после этот человек не жил в твоём сознании. И вам в нём не было тесно, как в поезде на верхней полке. Тесно и страшно, что можно упасть.

Теперь о Между. Между до и после... Между прочим Между... Между у всех разное и одинаковое. Настоящее человеческое чувство. Все люди разные и все похожи. Блуждающая улыбка, рассеянный взгляд.

Исчезновение одиночества, точнее – его трансформация в Между. Отсутствие недостатков, коллекция восторгов. Синдром привыкания, страх потери...

Следствий много. Причина одна.

Но её никто не знает. Существует десяток объяснений. Но все они ложные. Уже хотя бы потому, что их десяток.

Настоящую причину знать не положено. Таков закон. И если пытливый Homo sapiens когда-то тайну откроет, это будет конец рода человеческого. Потому что без тайны нет любви, а без любви – жизни.

Ревность

Мало того, что мы у себя одни, мы еще одни во всем мире. И мы в этом мире лучшие. Лучшие в главном.

Да, мы не бежим быстрее и не прыгаем выше всех, но мы однозначно лучше в том, что нельзя измерить, взвесить, обсчитать. И если мы останавливаем наш выбор на ком-то, пусть даже этот некто выбрал нас раньше, то это мы даруем ему (ей) счастье быть рядом с самым-самым.

И вдруг оказывается, что этим счастьем пренебрегают. Или еще хуже. Совмещают с чем-то чужим и ничтожным. Иногда так и есть. Иногда нам это кажется. Но ощущения одинаковые. Больно и обидно.

Больно, потому что нас обманули. Тогда, и продолжают обманывать сейчас. Больно, потому что как было уже не будет, а как будет, надо решать, а это болезненный процесс.

Больно, потому что, сблизившись с кем-то, мы сняли с себя кожу, чтобы не мешала чувствовать и ощущать. Теперь мы как после ожога. А новая кожа нарастает долго и мучительно.

Нам обидно. Потому что кто-то чем-то лучше. И еще бы ладно, если он (она) был бы лучше в том, что можно измерить, взвесить, обсчитать. Тогда бы обида была спортивная. А так – человеческая...

Значит, ты не самая? А какая? Сто восьмая. Очень обидно.

Что остается? Остается доказывать, что он (она) ошиблись. А как доказать? Снова дарить счастье быть рядом с собой другому или прощать неразумного, если он раскаялся... И так до тех пор, пока ты не поймешь, что выбирают не лучших, а нужных.

А кто нужен человеку? Сие есть тайна великая, типа вечного двигателя или философского камня.

Умом понимаешь, а сердце болит.

Страх

«Если верно, что трусость – самый тяжкий порок...» – рассуждал нестрашный дьявол по фамилии Воланд.

Какой порок? Это естество наше. Страх рождается с человеком и не умирает, передаваясь по наследству.

«Нищему пожар не страшен» – гласит народная глупость. Допустим, тогда выходит, что вечный партнер страха – собственность на что-то или кого-то. Страх без обладания чем-то ничтожен, равен нулю. Да только нет таких, у которых нет ничего.

У нищих духом есть свобода от духовности, у нищих телом – от денег. Плюс у всех есть жизнь, которая дается один раз.

Значит, все живое трусливо, раз ему есть что терять. Жизнь и страх – сиамские близнецы. Друг без друга не ходят.

Напрашивается мысль, что наш характер это иерархия фобий (так звали страхи греки). Того боимся больше, того меньше, а миром правит не владелец информации, которая лишь средство доставки страха по адресу, а сам террор (так звали страх римляне).

Почему же мы ставим памятники бесстрашным героям? Обманываем самих себя или уже привыкли к страху? «Если вам заедут в глаз, вы вначале вскрикнете... а потом привыкнете». К счастью, это не так и не везде, и не всегда.

Страх был бы всесилен, если бы мы больше всего любили себя. Но смелость наша в том, что больше всего на свете мы любим наши желания. Поэтому страх – это, конечно, ужас (так зовут страх одесситы), но «не ужас, ужас!», как в старом одесском анекдоте про хозяйку борделя и неприглядного клиента.

Поэтому рано и поздно рушатся режимы, построенные на страхе-терроре, а миром правят те, кто манипулирует нашими желаниями и возможностями их осуществлять.

Недаром на их языке слово «страховка» (insurance) происходит от слова «уверенность», а не от слова «страх».

Страхуйте желания, смельчаки!

Лень

...она же порок, она же главный двигатель прогресса, она же гарант стабильности в семье и государстве. Она есть у каждого. Всяк человек ленив, как и двуног.

Лень враг труда и часть природы, где каждая взрослая особь кормит себя сама, в то время как изобретенный человеком

труд позволяет многим этого избежать. Если труд – враг лени, то ум ее лучший друг.

Лень в первой тройке инстинктов. Пропуская вперед продолжение рода и самосохранение. Она не предохранитель, спасающий нас от перенапряжения, а естественная реакция подсознания на команды алчного, тщеславного, завистливого, обуянного гордыней сознания. Лень борется с дурными наклонностями человека, оберегая его бездействием. Порок против пороков. «Не хочу» против «хочу».

Это раньше главным словом было «надо», сегодня – «хочу».

«Лучший способ сдержать обещание – его не давать» – и так во всем.

Лень надо беречь. Она – то небольшое, что отдаляет человека от пчел и муравьев.

Лень подыскивает нам любые занятия вместо того, чем мы должны заняться.

Кому должны? Странному типу, которого зовут Здравый Смысл. Зовут его редко, чаще он приходит без приглашения и портит наше настоящее. Заставляет трудиться ради будущего, которое, наступив, мгновенно превращается в настоящее, в котором тоже нужно трудиться, и так до конечной остановки. Других защитников, кроме лени, у нас нет.

